

РАДОСТЬ БЫТИЯ

На Новой сцене Государственного академического Большого театра России состоялась первая оперная премьера сезона — «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини в постановке режиссера **Евгения Писарева** и дирижера **Пьера-Джорджо Моранди**.

Она стала событием не только волнующим, но и интригующим, и тому есть несколько объективных причин. Во-первых, этот россиниевский шедевр, по праву считающийся не только квинтэссенцией стиля композитора, но и одной из самых лучших комических опер мирового репертуара, отсутствовал на сцене Большого театра без малого четверть века — с 1995 года. Во-вторых, на его постановку пригласили Ев-

гения Писарева, ранее уже успешно зарекомендовавшего себя в опере: его постановки «Итальянки в Алжире» Россини на сцене Музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко в 2013 году и «Свадьбы Фигаро» Моцарта в Большом театре в 2015 году были хорошо приняты публикой и критикой. Дирижером-постановщиком стал один из видных итальянских дирижеров Пьер Джорджо Моранди — ученик Леонарда Бернштейна и ассистент Риккардо Мути.

Едва ли не самая популярная во всем мире опера «Севильский цирюльник», созданная композитором по одноименной комедии **П.О. Бомарше** (либретто **Чезаре Стербини**) в поразительно корот-

Граф Альмавива — Б. Михай, Розина — Х. Сабирова, Бартоло — Дж. Ромео

кий срок (всего за 18 дней!) для новогоднего карнавала в Риме (первая постановка оперы состоялась в театре «Арджентино» 20 февраля 1816 года), вот уже более двух столетий пленяет изысканной красотой музыки Д. Россини, наделенного щедрым мелодическим даром, виртуозными вокальными партиями, неожиданными сюжетными поворотами и забавными приключениями, ненавязчивым остроумием и захватывающими эмоциями. Все эти качества чутко уловил Евгений Писарев, вдохновивший всех участников постановки на создание спектакля, пронизанного ощущением радости бытия, бурлящей жизненной силы, молодости духа и всепоглощающей, беззаветной любви к театру.

Здесь причудливо переплетаются ироничное и житейское, смешное и трогательное,

наивное и глубокое. Точно так же, как и в итальянской комедии дель арте, маски которой, по мнению Е. Писарева, угадываются в героях этого неподвластного времени россиниевского оперного шедевра. Режиссер, глубоко чувствующий музыку и обладающий замечательным даром идти вслед за ней, использует свой излюбленный прием «театр в театре». В итоге, получился веселый, легкий и остроумный спектакль, привлекающий своим тонким юмором и очаровательной лирикой, яркими музыкально-сценическими характеристиками персонажей, стремительной динамикой действия и увлекательными постановочными эффектами.

В современном театре, как драматическом, так и музыкальном, виртуозно объединяющем многообразие знаковых средств, значение визуального обра-

Сцена из спектакля

Базилио — Д. Ульянов,
Бартоло — Дж. Ромео

за спектакля — его «зрелищного текста» — неуклонно возрастает, о чем свидетельствуют и театральная практика, и постановочные концепции режиссеров. Постоянный соавтор Е. Писарева — мэтр отечественной сценографии, художник-постановщик **Зиновий Марголин** — со своими задачами справился блестяще. Многообразии мелодических приемов и тонкая градация выразительных вокальных оттенков «Севильского цирюльника» — «от опьянения жизнью к элегической мягкости, от ласк к грозному сдерживаемому бешенству», по определению Гейне, на редкость органично соединились в новом спектакле с оригинально придуманной З. Марголиным сценографией. Его декорации-трансформеры всегда наделены феноменом сценичности, удивитель-

ной способностью преобразовать простые предметы в яркие театральные образы.

Следуя режиссерской идее показать «театр в театре», З. Марголин разделяет сцену на два пространства — мир театрального закулисья (первый ярус) и мир, где живут герои россиниевской оперы-буффа (второй ярус). Так, театральное закулисье представляет большая гримерная, где костюмеры и гримеры готовят оперных актеров к выходу на сцену (причем, делают это, что называется, в реальном времени, еще до начала спектакля, пока зрители занимают свои места в зале). Верхний, второй ярус, украшает раздвижная белая ажурная беседка-балкон, символизирующая «четыре стены, в которые заперта Розина». Белый цвет преобладает и в утонченно-стильных костюмах главных персонажей оперы.

Розина — Х. Сабирова,
Бартоло — Дж. Ромео

Художник **Ольга Шайшмелашвили** причудливо сочетает старинные камзолы и парики с современной модной одеждой.

Двухъярусную декорацию великолепно дополняют продуманное до мелочей световое оформление (**Дамир Исмагилов**) и видеопроекции на заднике сцены, иллюстрирующие определенные, драматургически важные моменты. Например, летящие ноты во время урока музыки Розины с Алонсо, «учеником» Дона Базилио, или падающие цветы, звезды и метеориты во время любовных арий и дуэтов главных героев, а также бегающие страусы и расправляющий хвост павлин в момент притязаний Бартоло на руку своей молодой очаровательной воспитанницы.

«Севильский цирюльник» Д. Россини знаменит своими виртуозными вокальны-

ми партиями и требует крепкого состава исполнителей. Все исполнители главных ролей премьерного спектакля обладают не только необходимыми вокальными данными, позволяющими им справляться с разнообразными техническими сложностями, но и благодарной сценической внешностью, и замечательной пластикой (хореограф **Альберт Альбертс**).

Убедительна и органична **Хулькар Сабирова**, виртуозно справляющаяся со сложнейшей партией Розины и восхищающая своим ярким сопрано, искусным плетением кружева музыкальных фраз и пластичностью мелодических рисунков. Хорош в роли Графа Альмавивы и **Богдан Михай** — певец-лирик, чьи партии отличаются тонкостью выразительных оттенков, нежностью и мягкостью звука.

Сцена из спектакля

Настоящим украшением спектакля стали необыкновенно музыкальный **Андрей Филончик** (Фигаро), певец неповторимого артистического обаяния **Дмитрий Ульянов** (Базилио) и обладающий великолепной техникой и актерским темпераментом **Джованни Ромео** (Бартоло). Особо хочется отметить прекрасную игру певцов-актеров. И в этом отношении немалая заслуга также принадлежит Е. Писареву, чей режиссерский почерк отличают и озорная фантазия, и удивительный такт в подходе к каждому актеру.

Что же касается россиниевского оркестра, то, при бесспорно ведущей роли вокального начала, его значение исключительно велико. Так, в одних эпизодах он подчеркивает комизм той или иной ситуации, в других — помогает прояснить подтекст. Разнообразие оркестровых красок, тембровых комбинаций вокально-инстру-

ментальной фактуры, насыщенность динамики и острота контрастов — все это захватывает буквально с первых же тактов и держит в плену до последней ноты.

Совпадение материала и образного видения режиссера сделало эту постановку «Севильского цирюльника» неожиданно интересной. На сцене возникает действие, захватывающее своей динамикой, актерским драйвом и необычностью постановочного решения, вызвавшего бурные споры. И не удивительно, что одних новый спектакль Большого театра приятно удивил, других оставил в некотором недоумении, третьих по-настоящему порадовал. Но никого не оставил равнодушным. И очередной раз напомнил всем нам, что театр в основе своей — прежде всего праздник.

Ирина НОВИЧКОВА

Фото Юрия БОГОМАЗА и Дамира ЮСУПОВА
предоставлены пресс-службой Большого театра